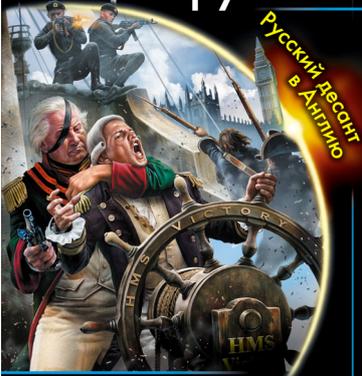

Лондон В ВИХРЕ
ВРЕМЁН
**должен быть
разрушен!**

**Русский десант
в Англию**

Герман РОМАНОВ

Герман Романов
Лондон должен быть разрушен!
Русский десант в Англию
Серия ««Попаданец» на троне», книга 5

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8329688

Герман Романов. Лондон должен быть разрушен! Русский десант в Англию: Яуза, Эксмо, Москва;
2014
ISBN 978-5-699-73577-8

Аннотация

Новый военно-фантастический боевик от автора бестселлеров ««Попаданец» на троне» и «Переход Суворова через Гималаи»! Увенчанный Коронай Российской Империи, «попаданец» из будущего бросает вызов «Владычице морей».

Броненосцы адмирала Ушакова атакуют флот Нельсона при Трафальгаре. Осадный корпус Кутузова штурмует Гибралтар. Барклай де Толли возглавляет восстание шотландских горцев. Авангард Багратиона захватывает плацдарм у Гастингса, обеспечив высадку на Британские острова Десантной армии под командованием генералиссимуса Суворова. Битва за Англию началась!

ЛОНДОН ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРУШЕН!

Содержание

Пролог	4
День первый	9
День второй	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Герман Романов

Лондон должен быть разрушен!

Русский десант в Англию

Выражаю искреннюю признательность моим старым друзьям из Иркутского издательства «Сарма» – Валерию Кожучкову и Алексею Щипицину.

Сердечно благодарю Тимофея Воронина, без помощи которого не удалось бы написать эту книгу.

Пролог

Петербург, 17 марта 1804 года

– Я недавно прочитал ваши стихотворения, поручик. Талант у вас, Денис Васильевич, огромный, признаю охотно!

Петр с хорошо скрытой усмешкой посмотрел на невысокого юношу в расшитом гусарском ментике, что навытяжку застыл перед ним. Да что там – маленького роста, самую чуточку кривоногий, с черной кучерявой гривой густых волос. Взгляд дерзкий, отнюдь не испуганный – как-то не испытывает молодежь ныне трепета перед императором, не то что в былые времена.

– Осмелюсь спросить, ваше величество, какие мои стихи вам пришлись по сердцу?

– Дерзок, дерзок... – усмехнулся Петр, покачав головой.

– Так я гусар вашего величества, государь!

Поручик чуть выпятил широкую грудь, отнюдь не аристократическую, продолжая «поедать», как велит устав, монарха взглядом, вот только в его карих глазах запрыгали веселые бесенята.

– Ваши басни, поручик, просто замечательные, в точку попали. – Петр улыбнулся самыми краешками блеклых губ и с наигранным пафосом продекламировал: – «И может, как же быть, твое величество о камень расшибить!» И про «пешки» здорово сказано. Вам принадлежит эта басня, милейший Денис Васильевич?

– Да, ваше императорское величество! «Голова и ноги!» – Поручик говорил решительно, но в его глазах Петр впервые уловил смятение. – Только в тексте у меня было написано «высочество», на «величество» его изменяют переписчики. А «шашки» на «пешки»!

– Ну и правильно, что изменяют, басня никак не должна быть приглажена. Тогда она разит беспощадно своей критикой. Как острая сталь клинка! Этим характерно другое ваше произведение – про некоего тирана, в котором легко угадать меня. Хотя название и спряталось под стыдливое «Зеркало». Эпilog в ней просто замечательный! «Велел в Сибирь сослать, чтоб эта был на правду походила!»

Петр с наигранным смехом посмотрел на поэта – тот, насупившись как сыч, молчал, переминаясь с ноги на ногу.

– Мне интересно, Денис Васильевич, это какого мудреца, наделенного столь выдающимися государственными способностями, я повелел сослать на каторгу?! Государственного секретаря Михаила Андреевича Сперанского тоже прямо-таки разбирает любопытство – он готов взять сего выдающегося мужа на службу немедленно! Вы только откройте нам его имя, милейший поручик!

Гусар закряхтел, отвел глаза в сторону, его лицо приняло крайне смущенное выражение. Петр с отеческой усмешкой, в которой спряталась малая толика злорадства, молча

наблюдал за молодым офицером: «А что же ты хотел, сукин сын? Сочинил два пасквиля, гоголем расхаживал три дня по столице, купаясь в лучах славы, полученной или от недоумков, гордящихся своим пресловутым фрондерством, или от законченных мерзавцев, польстившихся на презренный металл. А тут тебе славы, парень, не будет! Я на тебя ушат воды вылью! Честно сказать, устроил бы хорошую порку, да нельзя, как ни крути, талант у тебя изрядный. Таких, как ты, побережь стоит, не столь у нас много хороших поэтов, чтобы всех дерзких остракизму предавать!»

– Ваше величество! Я не имел в виду вас, государь! Мудрец – это собирательный образ, который относится ко многим странам. Взять того же Томаса Мора...

– Вы мне налима за корягу не заводите, поручик! Откуда в Англии Сибирь, скажите на милость?!

– Так это тоже нарицательное имя, ваше величество, просто Сибирь для рифмы лучше подходила...

– Угу! – буркнул Петр и с пафосом произнес: – Ради красного словца не пожалею и отца! Так, что ли, поручик?

– Ваше императорское величество, творчество имеет неведомые пути...

– Ой ли?! Сомневаюсь в том я, милейший! Решили в революционера поиграть? Как же, суровенек батюшка-государь, дворянство свое верное избидел, крепостных у них отобрал! Не дает недорослям девок крестьянских портить на сеновалах да в поместьях штаны просиживать?! Службы от них еще требует, да под пулями!

– Государь, ни мой род, ни я никогда не отказывались от долга перед Отечеством и всегда верно служили вашему величеству!

Поручик побагровел, с самым оскорбленным видом посмотрел на Петра. Правая рука гусара произвольно дернулась к рукояти сабли, но пальцы тут же одернулись. Сдержал порыв офицер, ибо в противном случае в этом движении можно было усмотреть намек на цареубийство.

– Это сейчас, поручик, в нынешнее время. А сорок лет тому назад ваш дедушка, царство ему небесное, такие вещицы вытворял со своими крепостными, особо с девками...

Петр злорадно улыбнулся, глядя на сконфуженное лицо гусара, по которому расплылись стыдливым румянцем пятна, и с улыбкой на губах закончил, но жестким голосом:

– Хотя его чудачества можно счесть довольно невинной забавой, особенно на фоне деяний Салтычихи, что умертвила больше сотни дворовых девок и мужиков. Или иных аристократов, что с пистолетами в руках выходили на «охоту» в загоны, где вместо дичи бегали мужики и бабы! Ах, как хорошо они над рабами своими куражились! Многие из этих образованных дворян кресты на шее носили, в церковь ходили, а души православные самым злодейским образом губили. Крепостных за людей не держали, хуже, чем с рабами, обращались!

– Государь, я противник рабства, и поверьте, ваше величество, такие ироды осуждаемы всем дворянством!

– Охотно верю, Денис Васильевич. Потому я до сих пор на престоле, что дворянство, по большому счету, отказалось от рабства. Скажу более того – оно просто не успело привыкнуть к своему положению, ибо вслед за манифестом о вольности последовало и освобождение крестьян. Хотя потребовалось сорок лет, чтобы изжить рабство окончательно. И вот тут ваши стихи, Денис Васильевич, в которых вы выступили рупором части, да-да, именно части, не спорьте, дворянства. Отбросим всякие экивоки в сторону! Скажите мне прямо, поручик – чем вы недовольны и в чем вы меня обвиняете? Говорите честно. Даю вам слово, что этот разговор останется между нами и последствий для вашей службы не будет.

Гусар побледнел, щека произвольно дернулась, он медленно выдохнул из себя воздух, будто купальщик, собирающийся прыгать в ледяную воду. Хотя такое сравнение не

совсем подходящее – поэт больше напоминал солдата, собирающегося бежать в атаку из спасительного окопа напрямик под смертоносные пулеметные очереди.

– Ваше величество, вы очень многое сделали для России, народ на вас просто молится...

– Оставьте славословие! Вы офицер, а не торговец, расхваливающий залежавшийся товар!

– Ваше величество, пропало семь человек, молодых дворян, которых вы, по общему мнению, тайно казнили. И мне, как и многим другим офицерам, будет интересно узнать, чем они вызвали ваш суровый гнев и в чем виновата их сестра?

– Вы говорите о Зубовых?!

Губы Петра сложились в жестокую гримасу, вспыхнувшая ненависть моментально опалила душу. Два прошедших года не остудили душу, которая опять взывала к мести.

– Да, государь, прошу простить. Мне бы хотелось знать, за что эти люди подверглись столь странному забвению. Что с ними, ваше величество? И в чем перед вами оказалась виновата Ольга Александровна, что вы с ней сделали? Правду ли говорят, что вы прямо помогали ее любви?

– Ну что ж, – тихо протянул Петр, – вы храбрец, поручик, и осмелились меня спросить о том, о чем другие помалкивают. А потому отвечу прямо – я убил братьев Зубовых, а также князя Яшвиля, Саблукова, Аргамасова и Марина. Ольгу Зубову изнасиловал, но жизнь оставил, упрятал, правда, в монастырь на вечное заключение...

– Значит, все правда... – тихо прошептал поручик, потрясенно глядя на Петра. – Ради своей похоти вы, ваше величество, казнили ее братьев и друзей и после этого...

– Не торопитесь с выводами! Я сказал, убил, а не казнил! И убил собственными руками, в бою, лоб в лоб! С одной шпагой в руке против многих пистолетов! А эта милая женщина, как вы говорите... Эта тварь до этого застрелила в спину двух моих казаков!

– Как так?! – Поручик совершенно растерялся и побледнел, кое-как выдавив из себя: – Но мне говорили...

– Да мало ли что говорили, Денис Васильевич?! Главное – кто говорил и почему. Вы не задавались простым вопросом: почему молчат родственники всех жертв моего «произвола»?!

Последнее слово Петр выдавил с нескрываемым сарказмом. Перед глазами в его памяти плыл мост, на котором лежали тела убитых, и Зубова, что держала в руках плюющий свинцом револьвер.

– Они молчат, ваше величество.

– А вам никогда не приходило в голову, поручик, что они молчат не из-за страха перед Третьим отделением или жандармами, а из-за чудовищного стыда! И всплыви правда о тех днях двухлетней давности, как их фамилии будут навек опозорены?!

– Но что произошло, государь?

– Измена, поручик, измена! Вот слово, которое объясняет всю эту историю, грязную и подлую. Английский посол Уинтворт пообещал «сим благородным господам» два миллиона рублей. Золотом! И даже выплатил задатком сто тысяч. Они подстерегли меня в Гостилицах, на мосту... Засада была подлой. Эта стерва убила двух моих казаков, а потом начала стрелять в меня. Я смог заколоть князя Яшвиля и из его револьвера застрелить двух заговорщиков. А там был и сам ранен пулей, но смог спастись – конь унес меня в болото, где пал. – Петр говорил тихо, лицо почернело, воспоминания прямо душили, сжимая горло, и он буквально выдавливал из себя слова. Молодой поэт с бледным как мел лицом, горящими глазами пристально смотрел на него, боясь пропустить не только каждое слово, но и вздох.

– Они гнали меня, как «красного зверя», Денис Васильевич, всю ночь. Почти безоружного, смертельно уставшего старика преследовали четверо молодых убийц, увешанных

пистолетами и кинжалами. На болоте я вступил с ними в последнюю схватку. В меня стреляли в упор, но я, как видите, остался жив. Там мне удалось убить всех Зубовых и Саблукова – зарезал шпагой моего деда Карла!

– Это правда, государь?

– Что зарезал?!

– Нет. Что эта шпага досталась вам от самого...

Молодой гусар осекся, в глазах ужас сменился восхищением.

– Правда, Денис, хотя она невероятна. Но на болоте я встретился с дедом во второй раз... Он же и излечил меня от раны...

Нисколько не чинясь и совершенно не стесняясь, Петр чуть приспустил с себя брюки и ткнул пальцем в багровый шрам, оставшийся отметиной на его теле.

– За одно его единственное прикосновение сразу же зажило, сам удивляюсь. – Петр быстро привел в порядок одежду, туго затянул ремень и бросил взгляд на гусара, который прямо застыл столбиком, задумчиво потирая лоб.

– Так вот оно что выходит, ваше величество! Так британцы не только на ваших сыновей покушались, государь, но и на вас самих, дабы смуту в нашем Отечестве завести? А Зубовы... Иуды! Простите меня, ваше величество, и за эти басни глупые тоже...

Офицер сглотнул, кадык дернулся на горле – парня явно душил стыд. Гусар встал перед ним на одно колено, склонил голову. Петр машинально провел ладонью по курчавым жестким волосам и тихо произнес:

– Встаньте, поручик, я не икона, чтоб передо мной на колени падать. Вы совершенно правы, молодой человек, англичане задумали разом решить все проблемы, убив меня и моих сыновей. Но Бог хранил великих князей, и с его помощью я одолел польстившихся на проклятое золото мерзавцев. Знаете что, поручик, езжайте-ка вы на Валаам и там, в монастыре, побеседуйте с Зубовой. Надеюсь, что после разговора с ней вы поймете, насколько молва может исказить истину. Жизнь ведь не роман, в котором благородные юноши спасают прекрасных девушек из кровавых лап похотливого тирана. В жизни может быть не совсем так, вернее, совсем не так – благородные юноши могут оказаться подлыми предателями, помогающими врагу и способными за тридцать сребренников совершить убийство. А за прекрасной внешностью девицы скрывается злоба и коварство, в бокале вина, принятого из ее нежных ручек, может быть подсыпан яд. А насчет похотливого тирана...

Петр тяжело вздохнул, взмахнул рукою и медленно прошелся по кабинету, искоса посмотрев на молодого поэта. По лицу гусара снова поплыли красные пятна стыда.

– Денис Васильевич, вы бывали когда-нибудь в бою?

– Простите, ваше величество, еще не приходилось. Но я жажду пролить кровь за Отечество!

– Жаждете? Хм... Пролить, конечно, кровь за Россию можно и нужно, но не раньше, чем наши супротивники прольют кровь за свою родину. Так вот к чему это я... Мне приходилось ходить со шпагой в руке в атаку, и я понимаю своих солдат, когда они, распаленные бешенством, под пулями врага врываются в крепость. А там ведь есть женщины и вино...

– Я понимаю, государь, все понимаю. Простите меня великодушно! Я не знаю, смог бы сам изнасиловать, гм... эту особу, но убил бы точно! Задушил бы собственными руками! Стыд-то какой! Чтобы русские дворяне покусились на свое же Отечество и предали его! Благодарю вас, государь, что сохранили все в тайне и позор не обрушился на многие семьи.

– Вот потому-то и ходят слухи, поручик, и правды не ведают, ибо рассказать ее нельзя! – Петр скривил губы и с нескрываемым огорчением вздохнул.

– Можно, государь! Я стихи напишу! Нет, басню клеветникам России, иносказательно, но все поймут!

– Пишите, поручик, пишите. У вас еще есть неделя, ибо предстоит вам вскоре отправиться во Францию, где вы станете адъютантом генерала князя Багратиона. Я удовлетворил ваше прошение, поручик!

– Во Францию?! Так десант в Англию будет! – Поручик аж задохнулся от счастья, его лицо приняло неопишное блаженное выражение. – Государь, самым счастливым днем моей жизни станет тот, когда вы мне прикажете положить живот на алтарь Отечества!

День первый 27 июня 1804 года

Булонь

– Петер, спаси его!

Петр вздрогнул, машинально обернувшись на громкий крик жены, и в великом изумлении осознал, что находится в своем любимом Петергофе, на берегу канала, в котором когда-то он спас Григория Орлова.

Еще краем глаза император заметил, как далеко в стороне стоят люди, столпившись у накрытого яствами летнего столика. Среди бело-розовых платьев придворных дам выделялись синие чекмени казаков и ливреи дворцовых слуг.

– *Этого не может быть... – пробормотал Петр в полной растерянности – в глаза попали до боли знакомые лица.*

Сотник Данилов, но еще молодой, о чем-то говорил с арапом Нарциссом. Верный царский слуга, такой же подвижный, как сорок лет тому назад, только кивал в ответ казаку.

– *Они же померли!*

Петр потерял ладонью глаза, не в силах поверить увиденному, но мираж не растаял, Нарцисс с Даниловым никуда не исчезли, наоборот, подпрыгнули на месте, услышав призыв императрицы, и резво бросились к нему.

– *Петер, спаси же его!*

Пронзительный крик снова раздался за спиной, и только сейчас Петр обернулся на звук родного голоса.

Като стояла перед ним такая же молодая, на оголенной ключице алела кровью пулевая ссадина. Женщина протягивала тонкие руки к голубой глади канала, по которой плясали воздушные пузыри.

– *Твою мать! Я в прошлое перенесся?*

Петр снова помотал головой, не в силах поверить собственным глазам, и еще раз быстро окинул взглядом парк. Нет, это был не мираж – дворец недостроенный, дорожки отсвечивают желтым песком, как в тот первый день, в который он сражался здесь с мятежными гвардейцами. И Данилов с арапом продолжают суматошно бежать к нему, а все свитские только сейчас вышли из ступора и начали суесться.

– *Точно! Снова в прошлое попал, на сорок два года время сдвинулось, – прошептал Петр. И тут его взгляд зацепил лежащую на траве трость, данную ему когда-то самим Петром Великим в ту первую кошмарную ночь в крепости Петерштадт.*

«Все правильно – этой палкой я Гришку по голове и ударил, и он сейчас пузыри со дна пускает. Невероятно! Снова попал в прошлое! Как такое может быть?!»

Однако ответа на этот вопрос сейчас у него не последовало, так как Като упала перед ним на колени и протянула руки. Милый голос завибрировал невыразимой мольбой:

– *Петер! Спаси его, дурака!*

«Это не по сценарию, она в прошлый раз такого мне тогда не кричала. Хотя... Так ведь я ж просто затормозил, вот Като сейчас и крикнула. Господи праведный! Так ведь история измениться может, если я с этим козлом промешкаю! Не дай бог, если эта скотина утонет!»

Мысль прямо ошпарила его крутым кипятком – Петр только сейчас сообразил, что если молодой гвардеец, любовник жены, утонет, нахлебается до смерти воды в Петергофском канале, то никогда не станет князем Аляскинским и история может пойти в неблагоприятном направлении.

гоприятном для России варианте – уж больно полезен, энергичен и деятелен оказался Григорий, впрочем, как и все братья Орловы.

– Петер, спаси!

Отчаянный крик жены хлестанул по нервам, и Петр, как был в мундире, рванулся к синей глади, оттолкнулся ногой и ухнул в воду, разбрызгивая во все стороны солоноватую балтийскую воду.

– Ой-я-я!!!

Он ожидал упасть в летнюю прохладу канала, но ощущение было таково, словно погрузился в прорубь где-нибудь в районе Якутска. Холод оказался не просто лютым – у Петра свело зубы, он сразу понял, что через несколько секунд сам превратится в ледяную скульптуру. В отчаянном усилии император стал шарить руками по илистому дну, и вскоре пальцы зацепили длинные волосы.

«Неужто Гришку за косичку ухватил?!» – мелькнула радостная мысль, ибо в прошлый раз, как помнил, он с трудом нашел утопленника по мундиру. Петр мертвой хваткой уцепился за волосы и моментально устремился к поверхности.

К свету! Тому благодатному свету, что дает жизнь всему живому.

– Ух-х! – Петр с шумом выдохнул воздух, разевая рот, как вытащенная на берег рыба. Холод стал потихоньку исчезать, по жилам весело заструилась кровь, в груди потеплело.

– Вот твой любовничек, Като, – радостно возвестил Петр и уже двумя руками потянул утопленника за волосы. Однако вместо ожидаемой тяжести его пальцы вытолкнули из глубины что-то легкое. И тут же из-под воды показалась голова, но какая-то маленькая, явно не орловская, и покрытая к тому же длинными белокурыми волосами.

– Что за чушь?!

Слова сами слетели с онемевшего языка. Петр оторопело смотрел на приподнимающуюся макушку, уже осознав, что это может быть кто угодно, но никак не Григорий Орлов.

– Спасибо тебе, мой милый! Ты спас меня... и своего ребенка...

Слова вначале поразили Петра стремительным ударом кинжала, а потом словно кувалдой ударили в лоб. Петр мог бы поклясться чем угодно, что узнал этот голос – столь же завлекательный, как и ненавистный.

– Ты... Сука... Откуда...

Петр остекленевшими глазами оторопело уставился на Ольгу Жеребцову, что обнаженной русалкой вынырнула из промозглой глубины. И почувствовал, как его сердце почти перестало стучать в груди, а кровь стала превращаться в ледяное крошево.

– А-а-а!!!

В диком страхе Петр отшатнулся от женщины, рухнул в воду и тут же обо что-то ударился...

– У-у-у!!!

Перед глазами возникла привычная картинка – белокурая русалка загадочно прищурила глаза, как бы с усмешкой взирая на русского императора. И даже почудился ее тихий, еле уловимый голосок: «Ну что, хочешь поплавать со мной?!»

– Так это только кошмар! – с облегчением выдохнул император и снова взглянул в похотливые глаза хвостатой женщины, вздрогнул, чувствуя, как на голове встали волосы дыбом, – ему показалось, что изображение в ответ подмигнуло зовущим оком.

– Не дождешься, стерва! – злобно пробормотал Петр на немое предложение и, с силою скомкав простыню, принялся утирать обильный холодный пот, который полностью покрыл его тело.

– Ох, французы, ну и затейники! Бесовщину удумали, кошмары на меня нагоняют. Припомню вам это гостеприимство! Нашли моду – всякую нечисть в дом тащить и православному царю в опочивальню вешать!

Лондон

– Подлые москвиты!

Премьер-министр Королевства Великобритания Уильям Питт, к фамилии которого всегда добавляли приставку «младший», дабы отличить его от отца, что тоже в свое время занимал эту ответственную должность, пребывал в прескверном настроении.

Война с русскими приняла самый дурной ход, который невозможно было представить даже в кошмарном сне. Первые яркие победы почти сразу сменились полынной горечью поражений. Весь Лондон радовался, расцветился флагами, когда в столице получили известие о блестящей победе над датчанами в Копенгагене.

Однако не прошло и семи дней, всего одной недели, как поступило сообщение, повергшее англичан в шок. Никогда еще столь многочисленная британская эскадра, несущая гордый флаг Святого Георгия на мачтах своих кораблей, не терпела столь жесточайшего разгрома.

И от кого, скажите на милость?!

– Коварные твари!

Уильям Питт сжал кулаки до хруста в бессильной злобе. Противостоять дьявольскому, бесчестному оружию москвитов флот Его Величества не смог. Несколько столетий Британия властвовала на морях, и теперь все англичане, от почтенного лорда до последнего бродяги, с пронзительной отчетливостью осознали – могущество империи находится под страшной угрозой. Вопрос уже идет о самом ее существовании, ибо разбитые союзники предали, а враги сплотились.

Любому премьер-министру такой ход событий стоил бы кресла, но не Уильяму Питту-младшему, ибо только он выступил инициатором этой борьбы с русскими, предложив нанести превентивный удар.

К великому сожалению, из-за халатности посла Уинтворта, уже понесшего заслуженное наказание за пренебрежение долгом, не удалось убить русского медведя в его берлоге и тихонько, чужими руками, поодиночке, передавить его подросших волчат, столь же опасных, как их отец.

Хуже того, теперь нет ни малейшей возможности взять даже короткую передышку, ибо русские и французы настроились воевать до последнего солдата и за два года нанесли британским и союзным им австрийским и турецким войскам ряд унижительных поражений.

Потеря Индии, этой «жемчужины» Британской империи, вызвала по всей стране единоклассный взрыв общественного негодования. Палата общин настояла на том, чтобы и дальше возглавляемое Питтом правительство вело эту справедливую войну против подлых и наглых захватчиков.

Все отчетливо поняли, насколько он, Уильям Питт, был прав – не начини британцы боевые действия, то московитский царь, известный своим византийским коварством, напал бы первым, и последствия такого обычного у русских вероломства для Английского королевства были бы намного тяжелее, а ущерб значительней.

– Куда уж хуже...

Питт с тоскою посмотрел на серую туманную мглу, царящую в ночном Лондоне, несмотря на жаркий летний день. Дождь прошел, и утро обещало быть добрым.

Вот только сна не было ни в одном глазу – пришедшие вечером вести оказались крайне неприятными. И самое страшное, что Уильям Питт-младший совершенно не предполагал, откуда следует еще ожидать очередного удара...

Доггер-банка

– Вроде стреляют, ваше превосходительство!

Вице-адмирал Сенявин внимательно прислушивался, ловя звуки в сгустившемся тумане. Видимость на море была отвратительной, мили на две, и то с плавающими молочными прожилками перед глазами, а то и большими сгустками, через которые ничего не увидишь.

И ничего тут не поделать: проклятье здешних мест, богатых рыбой, именно туман. Таково все Северное море, капризное и своенравное, постоянно изменчивое, как ветреница столичного полусвета.

– Ей-богу, стреляют, Дмитрий Михайлович!

Командир линейного корабля «Петербург» капитан первого ранга Астафьев чуть ли не подпрыгивал от нервного возбуждения, напряженно вслушиваясь, как и другие русские офицеры и матросы, в молочную серость утренней дымки.

– Палят глухо, но то не ружья, ей-богу!

Снова напрягся и Сенявин – в свои сорок лет он не жаловался на плохой слух. И точно, где-то далеко впереди словно деревянной колотушкой стучали по дубовой бочке – «бух, бух». Так могут бить только пушки, причем залпами. Далековато, конечно, тем паче над морем, да еще в тумане, звук далеко расходится.

– Ей-богу, наши датчане дерутся, ваше превосходительство. Нужно союзников выручать!

Вице-адмирал нахмурился, и Астафьев осекся, поняв, что не его дело давать советы командующему. Но возбуждение, от которого слегка постукивают зубы, обычное перед схваткой, было не унять.

Все русские прекрасно знали, что именно здесь, у Доггер-банки, назначена точка рандеву идущей от берегов Шотландии русской эскадры с датско-шведским объединенным флотом под командованием вице-адмирала Ольферта Фишера.

Возможно, датчане, которые должны прийти сюда на пару дней раньше, нарвались на британскую эскадру, потому что другим военным кораблям здесь делать больше нечего. Да и нет уже у России иных врагов, кроме обложенных на своем проклятом Острове англичан!

– Да, вы правы, капитан. Это действительно стреляют пушки, причем залпами! До них миль пять, не больше!

Дмитрий Михайлович больше не колебался, памятуя старую русскую истину, накрепко вбиваемую в голову с детства: «Сам погибай, но товарища выручай».

Вице-адмирал поправил алый, как кровь, крест Святого Владимира третьей степени с мечами, дарованный ему за командование авангардом в победном Борнхольмском сражении, напряг горло и громко рявкнул, молниеносно приведя команду своего мощного 72-пушечного флагмана из застывшего состояния в здоровый матросский кипеш:

– Поднять пары! Корабль к бою подготовить!

А сам мимолетно подумал: повезло, что утро уже начало вступать в свои права. А то в этой молочной белизне можно было не только потерять мателотов, ведь в кильватере идут два десятка кораблей и транспортов, но и сесть килем на какую-нибудь песчаную банку. Глубины здесь не ахти какие, потому тут вечно снуют в большом количестве рыбаки, вытягивая из прогретого солнцем мелководья забитые серебристыми тушками сети.

Памятуя об этом и нахмутив лоб, русский адмирал недовольно буркнул себе под нос:

– Не потопить бы ненароком какую-нибудь рыбацкую посудину! Вечно они под ногами путаются!

Кадис

– Мы попали в ловушку!

Вице-адмирал Пьер-Шарль де Вильнев, еще молодой сорокалетний мужчина, медленно прохаживался по шканцам и уныло поглядывал по сторонам. Сон его совершенно не брал, и он вышел на палубу, чтобы полюбоваться восходом.

Поднимающееся над кромкой горизонта солнце только начало освещать красным блеском самые края дальних гор, но при блеклых отсветах можно было хорошо разглядеть сгрудившиеся в бухте многочисленные корабли, которые, как казалось на первый взгляд, полностью заполнили отнюдь не маленькую гавань.

Союзный франко-испанский флот представлял собою весьма внушительную силу. Под французским флагом насчитывалось 23 линкора – все, что имелось у республики.

Еще два десятка кораблей баталии с немалым трудом наскребли испанцы, среди которых огромным исполином возвышался четырехдечный «Сантиссимо Тринидад», на широкие палубы которого втиснули невероятное количество орудий – 136 пушек и карронад.

Вообще-то испанский флот, совсем недавно претендовавший на второе место в мире и попытавшийся воссоздать былое величие, довольно серьезно пострадал в последнее время – от англичан ему сильнее всех союзников досталось. Два года тому назад британцы в здешних водах внезапно и дерзко атаковали, чуть ли не на самом рейде Кадиса, очередной «серебряный караван», пришедший из Новой Кастилии. Фрегат «Мерседес» был потоплен, а три других взяты на абордаж.

Два линкора, поспешивших на помощь избиваемым соотечественникам, разделили их судьбу – на одном взорвалась крюйт-камера, и он развалился в огненной вспышке, а второй спустил флаг, не выдержав жестокого обстрела, и был уведен в качестве трофея.

Затем в сражении при Сент-Вицент старый пират Джон Джервис отправил на дно еще четыре линкора, захватив парочку, за что удостоился титула графа с одноименной приставкой.

И вот совсем недавно вице-адмирал Роберт Кальдер у мыса Финистере добился еще одной победы – потопил два корабля с красно-желтыми кастильскими флагами и один с Андреевским синим крестом, нанеся невосполнимый ущерб.

Русские хотя и продали испанцам восемь парусных линейных кораблей, но из них до портов Леона и Каталонии добралась ровно половина, остальные были перехвачены в пути британцами и потоплены, причем экипажи подверглись безжалостному избиению.

Так что стоящие на якорях 43 линкора – было абсолютно все, без остатка, что могли противопоставить «владычице морей» союзные Испания и Франция. Да еще в бухте Кадиса находилось с десяток мелких судов – фрегаты, бриги, шлюпы, но их можно было не учитывать в предстоящем линейном сражении, обещающем стать самым масштабным по числу вымпелов со времен «Непобедимой армады».

– Мы в ловушке... – еле слышно бормотал адмирал одну и ту же фразу, повторяя ее как заклинание. Даже без подзорной трубы он хорошо видел, как далеко в море белеют паруса. Английские фрегаты, словно цепные псы, внимательно сторожили гавань.

Вильнев прекрасно понимал, что для выхода союзного флота потребуется много времени и англичане успеют вызвать курсирующий между Марокко и Пиренейским полуостровом флот вице-адмирала Коллингвуда, под командованием которого находилось 27 линейных кораблей.

И пусть союзники имели полуторное превосходство по числу вымпелов, но Вильнев, как никто из моряков, знал – англичане намного сильнее, ибо не количеством пушек измеряется мощь, а умением их использовать. А вот выучке палубных команд британцы могли дать изрядную фору любому противнику, что не раз демонстрировали.

Французский адмирал с тоскою в глазах посмотрел на поднимающийся по небосводу ослепительный диск. На кораблях засвистели побудку, за спиной громко ударили склянки, отмеряя последний час «собачьей вахты», и его флагманский «Редутабль» тут же проснулся.

– Нет, мы в ловушке... – Вильнев, как какую-то священную мантру, произнес мучивший его ответ с тяжелым вздохом, будто убеждая себя, и, огорченно взмахнув рукой, направился в просторный адмиральский салон. Он совершенно не знал, что написать в ответ на присланную из Парижа депешу...

Лондон

– Сэр, к вам прибыл генерал Артур Уэлсли!

Дверь еле слышно скрипнула, и раздумья премьер-министра прервал тихий голос вышколенного секретаря, тоже проводящего вторую бессонную ночь. Однако для хозяина кабинета имя генерала послужило самым настоящим победным набатом.

– Зовите, Патрик, я его давно жду!

Уильям Питт потер лицо ладонью, стирая усталость от долгой умственной работы, и величаво встал у стола, приняв подобающую положению позу. Однако от волнительных и мучительных часов так просто было не избавиться, и губы скривились в гримасе:

– Грязные свиньи! Теперь вы очень скоро узнаете, на что способна королевская армия!

Последнее ругательство относилось отнюдь не к русским. Полученные с севера вести вот уже несколько часов тревожили всю столицу Англии. Ведь прошло чуть больше полувека со времен Якобитских восстаний, как шотландцы, известные своим нравом и подлостью, восстали в очередной раз, изменив Британской короне...

– Вы дрались с русскими в Индии, генерал. Каковы они?

Уильям Питт сразу перешел к делу после короткого обмена дежурными фразами, да и не для того он вызвал в ночной час прославленного, молодого генерала, чтобы говорить о всяких банальностях, уместных лишь при неторопливой беседе за чашкой чая.

– Это опасные враги, сэр. Я сражался с ними при Хайдарабаде. – Генерал Уэлсли вздернул подбородок, по которому протянулся глубокий шрам, свежий, с розовой кожей. – Они расстреливали нас, сэр, со своих дьявольских картечных. Сипаи падали сотнями!

– Надеюсь, наши солдаты выстоят под таким убийственным огнем?

– Осмелюсь доложить, сэр, под таким градом пуль не выстоит никто. Страшно губителен их огонь. У русских новое оружие, все солдаты имеют шестизарядные барабанные винтовки, которые дают на порядок больше выстрелов, чем наши штуцера. Мы победим московитов, если будем иметь точно такое же оружие.

– К сожалению, генерал, нам придется воевать тем, что мы имеем. И действовать нужно решительно и быстро. Русские высадили десант в Эдинбурге неделю тому назад, к ним прикнули восставшие хайлендеры...

Питт говорил глухо, но каждое его слово словно падало тяжелым камнем, и, добавляя нервозности, в кабинете громко пробили часы, отмеряя еще один прожитый королевством тяжелый час.

– Восстание в Шотландии, как и в Ирландии, нужно подавить немедленно, генерал, не считаясь с потерями! Промедление для нас смерти подобно, ибо высадка на Остров назначена через месяц!

– Я готов, сэр!

Артур Уэлсли вытянулся, выдвинув вперед волевым подбородком, Питт посмотрел на него с нескрываемым уважением. Именно такие, не знающие страха и сомнений джентльмены и создали империю.

– Принимайте командование над всеми войсками, находящимися на севере. Залейте горы кровью по самые вершины! Не дайте восстанию разрастись! Ибо мы получим удар в спину, когда русские с французами попытаются высадиться на Остров. Хотя я искренне надеюсь, что флот Его Величества не позволит им сделать этого!

– Кто их знает, этих моряков... – после короткой паузы пробурчал в ответ генерал. В его словах отчетливо просквозила неприязнь, которую испытывают армейские вояки к

флотским. Но тут же его лицо затвердело, и Артур Уэлсли с непреклонной убежденностью добавил:

– Однако, сэр, если нашим врагам удастся повторить подвиг Вильгельма Завоевателя, то мы их сбросим своими штыками в море!

– Надеюсь, до этого не дойдет! – негромко произнес Питт. – И скопище лоханок, которое они собрали по ту сторону канала, постигнет судьба «Непобедимой армады»!

– Я тоже надеюсь на это, сэр! – Теперь в голосе не было неприязни, а лишь твердая убежденность в правоте.

– Когда вы сможете выехать, генерал?

– Завтра с утра, сэр! У меня отличные лошади!

– Берите все войска, генерал! И не теряйте времени...

Доггер-банка

– Ничего, мы им еще покажем...

В словах выдавшего вида старого морского волка вице-адмирала Ольферта Фишера прозвучала нешуточная, еле сдерживаемая ярость, а блеклые уставшие глаза вспыхнули огнем ненависти.

Два года назад огромная британская эскадра вероломно напала на Копенгаген, потопив на рейде пять датских линкоров и разнеся из своих пушек столицу.

Адмирал хорошо помнил ту ожесточенность датских моряков, с которой они сражались против коварного врага. Но, как правильно говорят русские, сила солону ломит. В той бойне погибли все датские линкоры, ибо три совершенно изувеченных корабля, оставшихся на плаву, пришлось разобрать. Прошло два дня, и старый моряк хорошо познал другую русскую поговорку: «Как аукнется, так и откликнется».

Находясь среди ликующих горожан, он собственными глазами видел, как угловатые, несуразные посудины без привычных моряку парусов, с коптящими небо длинными трубами, вдребезги разнесли добрый десяток английских кораблей, прежде грозных монстров, а теперь разом превратившихся в беззащитных фазанов.

И когда после полудня подошли паровые линкоры русских, то избиение британцев превратилось в бойню...

– «Вахтмейстер» горит!

Старый датчанин скривил губы, пристально разглядывая черные клубы дыма, вырывающиеся из недр корабля. Да, шведы – старые враги, но сейчас они стали союзниками, причем верными и преданными, ибо королевы двух государств – родные сестры, дочери великого императора. И те одиннадцать кораблей, точнее уже девять, шедшие под его командованием, пять датских и шесть шведских, ранее были построены на верфях северного соседа: в Стокгольме, узнав о гибели датского флота, благородно передали почти половину своих парусных линкоров.

Хотя сам адмирал не обольщался на счет такой неслыханной щедрости, и, как ни было больно ему признавать, он хорошо понимал, что на море наступил век пара.

Да и легко быть щедрым, когда взамен рухляди Россия помогла построить полдюжины броненосцев и четыре новейших паровых линкора по типу «Великого Новгорода», чья гибель, полная героизма и отваги, произвела на датских и шведских моряков неизгладимое впечатление.

– Принять два румба вправо! Отойдем к мели...

Отдав приказ разомкнуться от неприятельской линии, Фишер не отклонялся от боя, а лишь оттягивал неизбежную гибель. Несмотря на всю самоотверженность северных союзников, потомков отважных викингов, участь была предreshена.

При равных силах британцы имели большее число пушек на палубах, выставив в линию даже трехдечные корабли. Их флагман, «Принц Уэльский», вообще нес добрую

сотню пушек, то есть почти вдвое больше, чем многие корабли датско-шведской эскадры. Да и сами 40—48-фунтовые пушки, установленные на нижних деках, были куда мощнее 24—36-«фунтовок», что стояли на палубах его кораблей.

Адмирал прищурил глаза, осматривая идущие в кильватерной колонне линкоры. И хотя над всеми белели полотнища парусов, старый моряк с пронзительной отчетливостью понимал, что сражение проиграно: в отличие от союзников, старавшихся лишить вражеские корабли рангоута, а значит, и хода, англичане били исключительно в корпус, разбивая тяжелыми ядрами борта, приводя к обширным затоплениям трюмов через пробоины.

Балтийские линкоры прямо на глазах усаживались в воду, «тяжелели» и теряли ход. А британцы уже отошли, дабы в течение часа починить поврежденные мачты, поставить паруса и снова наброситься на его эскадру, которая уже не сможет ни уйти, ни драться.

Остается только одно: погибнуть с честью!

Но надежда все жила в его сердце, и губы тихо прошептали, задавая себе один и тот же вопрос, мучивший его уже два дня:

– Но где же русские?

Кадис

Вице-адмирал Фредерико Гравина хмурился от невеселых мыслей, что витали в салоне флагманского 136-пушечного линейного корабля «Сантисима Тринидад» – самого мощного из всех, когда-либо построенных на испанских верфях.

Как бы горячий кабальеро ни хотел нанести поражение чопорным англичанам, которых он, как всякий истовый испанец, ненавидел всеми фибрами души, вот только в исходе предстоящего боя старый моряк сомневался, раздираемый самыми противоречивыми чувствами.

Испанский флот давно перестал быть повелителем океанов, потеряв в самом конце XVI века свое господство. Английские корсары, это алчное порождение океанов, нанесли невосполнимый ущерб соединенному королевству Кастилии и Леона.

Золотой поток, что хлынул из Нового Света в Европу, их грязными руками был старательно перенаправлен, вначале ручейком, а затем и полноводной рекой напрямик в закрома лондонского Сити. Да тот же Френсис Дрейк, получивший за свои разбои титул рыцаря из рук блудливой королевы, вернулся на берега Темзы на своей «Золотой Лани», что чуть ли не по орудийные порты ушла в воду от тяжести награбленного золота!

Испанцы отчаянно сражались, отстаивая свое право, но гибель «Непобедимой армады» окончательно поставила крест на возможности на равных разговаривать с англичанами. И вот уже два столетия корабли под красно-желтыми флагами ничего не могли поделаться с англичанами – былой славы не вернуть.

Всесилие Острова пришлось не по нраву не только гордым кабальеро, но и их заклятым врагам голландцам, что восстали в давние времена против короны.

Впервые испанцы поступились толикой чести, желая победы вероломным бывшим подданным. Нидерланды яростно оспаривали могущество британцев, их адмиралы де Рейтер и Тромп даже громили из пушек Лондон – и не раз трепали эскадры туманного Альбиона.

Вот только мелководье голландских гаваней сыграло злую шутку – жители «низменной земли» изначально строили корабли куда более слабые, нежели на противоположной стороне Канала. Исход войн был предрешен – торговцы уступили первенство на морях пиратам.

Следующий вызов бросила Франция, активно строившая флот со времен министерства Кольбера и по настоянию «короля-солнце» Людовика XIV.

Однако, несмотря на блестящие успехи каперов, его страна постоянно теряла корабли в линейных баталиях. Единственным лучом света промелькнул Абукир, когда полтора десятка кораблей эскадры Брюэя навалились на полдюжину британских.

Момент был удачным донельзя – в бухте оказалась ровно половина английской эскадры, а других Нельсон уже увел против русских в Дарданеллы. Но невероятное везение

продолжилось – четыре линкора стояли на якорях, а два проходили килевание, а потому в бою не участвовали, спустив флаги после обстрела.

Только этот бой стал одним-единственным сражением, когда французы одержали победу, ухитрившись при подавляющем, более чем в тройном, перевесе потерять и два своих линкора.

Однако все было тщетно – через полмесяца англичане зашли в бухту и уничтожили всю французскую эскадру, за исключением линкора «Женеро», что сумел спастись бегством.

Гравина тяжело вздохнул. Как ни было больно для самолюбия, но он не мог не заметить очевидного – все враги Британии с пугающей периодичностью терпели поражение...

Эдинбург

– Теперь я верю, мой генерал, что у Шотландии будет свой король и моя страна обретет независимость!

Патрик Гордон чуть ли не задыхался от радости, с восторгом глядя на расцвеченные улицы Эдинбурга. Среди разноцветья флагов выделялись синие, с косым белым крестом Святого Андрея, который издревле считался покровителем Шотландии. Под таким гордым флагом погиб два года назад капитан Кроун, доблестно сражаясь с британцами в проливе у Копенгагена. И именно сейчас, как никогда раньше, шотландцы обрели союзника в русских, только завидев, пусть с обратной расцветкой, но почитаемый каждым местным жителем косой крест...

– Вы правы, майор!

Михаил Богданович Барклай де Толли улыбнулся, но самыми краешками губ. За эти пять дней, проведенных в Шотландии, на своей исторической родине, он убедился, насколько горцы свободолюбивы и независимы. Ненависть к англичанам, давним поработителям их родины, никогда не утихала в сердцах, лишь на время, словно раскаленные угли под тонким слоем пепла, притихала, дожидаясь очередной охапки сухой соломы в костер взаимной вражды.

За последний год Барклай де Толли почувствовал себя настоящим шотландцем, находясь в постоянном общении с хайлендерами Гордона, что еще на Соловках отказались служить Англии.

Сорокалетний генерал, порядком обрусевший, словно губка впитывал в себя традиции далекой родины. И сейчас уже без усмешки смотрел на голоногих мужиков в килтах и с пониманием взирал на расцветку тартанов – затейливого узора из клеток и разноцветных полосок, что символизировал принадлежность к тем или иным кланам.

Особенно поразило генерала то, что высадка весьма немногочисленного десанта и вид дюжины кораблей под Андреевским флагом немедленно вызвали всеобщее возмущение, которое, впрочем, как он догадывался, готовилось очень давно, и нужен был только толчок.

Из семи шотландских полков, находившихся на службе английской короны, комплектуемых исключительно горцами, два, дислоцированных в самой Шотландии, немедленно восстали.

Судьба остальных полков была неизвестна, но Михаил Богданович не сомневался, что крови англичанам они порядком попортят, как только горцы узнают, что происходит на родине. Хотя мало кому из мятежников удастся пробиться на север – у британцев в армии, даже после потери Индии, насчитывалось до сотни полков, так что сил хватит для уничтожения мятежных хайлендеров.

Вплоть до высадки генерал считал, что ввязался в самоубийственную авантюру – с двумя тысячами солдат воевать против британцев на их же земле сродни безумию, а надежда на восстание была эфемерной. И почувствовал себя счастливым, когда понял, что все его опасения оказались разбитыми тем невероятным энтузиазмом, что проявили горцы, поднимая это, неизвестно какое уже по счету, очередное восстание.

За последние дни мятежная армия увеличилась до пятнадцати тысяч человек – привезенного из России оружия уже не хватало. Жители равнин и гор древней Каледонии охотно стекались под андреевские знамена – Эдинбург, Данди, Абердин и другие города, словно по команде, начали формировать ополчение.

Барклай посмотрел на рослых горцев, что спокойно и без суеты получали нарезные штуцера, доставленные на русских кораблях. Так же обстоятельно подбирали снаряжение, вешали на плечи тяжелые патронные сумки. В своих удивительных беретах – бонетах, а также килтах и чулках эти рослые парни, на взгляд старого солдата, смотрелись необычно, но в их решимости и отваге русский генерал несколько не сомневался.

Каждый из горцев имел за своим правым чулком нож, на рукояти которого был выгравирован цветок чертополоха. Михаил Богданович уже познакомился с этой традицией – ни один уважающий себя горец не будет ходить без ножа. Но если мирные люди носят его с внешней стороны, то волонтеры прикрепили с внутренней, а по древней шотландской традиции это означало начало войны...

Булонь

– Молодой человек, вы что творите?

Петр деланно нахмурился, изображая сильное недовольство. Стоявший перед ним молодой гусарский поручик вытянулся, при этом ухитрившись покаянно опустить глаза долу. Но, судя по хитровато блестящим глазам, виновным молодой гусар себя отнюдь не чувствовал. И вот такое поведение вызвало короткий признак старческой раздражительности, как мысленно отметил про себя Петр.

– Ваше стихотворение «Клеветникам» мне понравилось, не спорю! Особенно строчка... – Петр наморщил лоб, припоминая, и через секунду нараспев продекламировал: – «Только жребий мой иной, вы оставлены на племя, я же брошен на убой». Вы что этим напелли, молодой человек?! Мы сражаемся против злейшего врага России, которого обязаны победить. И принять смерть за Отчизну не просто святой долг, но и право каждого русского. Вы хотите сказать, что я своих солдат и офицеров на убой бросаю?!

– Никак нет, ваше императорское величество! – Молодого поэта пробрало от выволочки, лицо немного побледнело. – Государь, просто рифма оказалась хорошей, вот я ее и привел... Уж больно хотелось словами этих клеветников поразить, что вас дерзнули порочить...

– Нашелся тоже защитник государевой чести! Я что, сам себя защитить не могу?! Да и врешь ты порою!

Петр очень редко переходил на «ты» с дворянами при беседах, даже конфиденциальных, потому такое его обращение все воспринимали как знак чрезвычайного расположения.

Денису Давыдову это тоже понравилось – доверием старого императора можно было гордиться. Но вот упрека во лжи он, как всякий уважающий себя русский офицер, перенести не мог. Редкие юношеские усики, которые обязан иметь каждый гусар, встопорщились, лицо побагровело, и поэт хрипло задышал:

– Ваше императорское величество, в своей жизни я ни разу не прибежал ко лжи, и ваше...

– Пойдите, поручик! – Петр резко осадил начавшего закипать офицера. – Разве я говорил о лжи?

– Но вы же сказали...

– Я лишь отметил, что ты иногда врешь! В своих стихах... Ну, конечно, не во всех...

Но отдельные строчки имеются!

– Какие строчки вызвали ваше недовольство, государь?! Позвольте осведомиться, ваше императорское величество. К тому же некоторая поэтическая вольность не есть огульное вранье! Это весьма допустимая фантазия, к которой прибегают все поэты!

– Какая, на хрен, фантазия и вольность, поручик?! Ты недавно вызвал на дуэль трех человек в Петербурге и всех трех заколол саблей, как жуков булавкою! Так?

– Я убил всего лишь мерзавцев, ваше императорское величество! Тех людей, что посмели нагло клеветать на вас, государь, и Россию!

– Зачем в военное время дуэли стали устраивать?! Вы знаете, что вам за это грозит?

– Готов принять любое наказание, государь! – Поручик вытянулся и замер, в глазах светилась непреклонная воля.

– Так бы и расстрелял тебя! Если бы по глупости, по дурости и амбициям за клинок схватился... Убил ты, конечно, сволочей изрядных, петимеров, шаркунов паркетных... И хоть мы избавляемся повсеместно от этой погани, но ее до сих пор много!

– Не так уж и много, государь. – Поручик улыбнулся, вот только улыбка была недоброй, злой. – Настоящие дворяне в армии и на флоте служат! Мы вам, ваше императорское величество, и государству Российскому присягали, на смерть пойдем, а они...

Поручик недоговорил, его лицо скривилось в такой гримасе омерзения, что он даже хотел сплюнуть от презрения на пол. Но вовремя остановился, сообразив, что такой нарочитый плевок может быть воспринят как знак неуважения монарха.

– Горяч ты, Денис, но честен, а потому наказывать тебя не буду. Вообще-то, нет худа без добра. Что дрался на дуэли – нехорошо, а потому усмири горячность, и чтоб до конца войны я об этом больше не слышал. Кровь проливать нужно в баталии, и тебе такая возможность скоро представится!

– Скорей бы! – со вздохом произнес поручик. – А то уж надоело здесь торчать, да и конь мой застоялся.

– Ты всего две недели в лагере, гусар, а уже застоялся! Тоже мне жеребец нашелся... Да ладно уж, открою тебе тайну: завтра уже будешь туманом аглицким дышать...

– Так высадка будет, государь? – радостно выпалил гусар.

– Будет, – добродушно произнес Петр. – Все тебе будет! Так что дуэли больше не устраивай и саблей тут не маши, а то сам нарвешься. У французов умельцы изрядные есть, хоть Гош и приструнил их. Езжай к князю, скажи, чтоб на военный совет немедленно пожаловал.

– Есть, ваше императорское величество!

Гусар снова вытянулся, демонстрируя хорошую строевую выправку, и, лукаво сверкнув глазами, не удержался от вопроса:

– Государь, прошу вас, скажите мне, в какой я строчке солгал?

– В предпоследней, Денис, в предпоследней, – добродушно засмеялся Петр. – Ты их не на племя оставил, а зарезал! И правильно сделал – на хрена такой погани потомство производить. В последней тоже солгал... Правда, наполовину... Убить тебя, конечно, могут, но и славу обрести тоже можно. Иди уж, гусар, у меня и без тебя дел много...

Кадис

«На погибель эскадры не поведу!» – ударив кулаком по столу, твердо решил про себя Вильнев и невидящим взглядом уставился на лежащее перед ним письмо Первого консула республики.

Генерал Гош требовал немедленного отплытия союзной эскадры в пролив Ла-Манш, причем не позднее 29 июня, независимо от того, смогут прийти в Кадис русские корабли адмирала Ушакова или не смогут. А такой приказ означал только одно – высадка на Остров будет произведена через две-три недели и флот требуется на ее прикрытие.

Адмирал до ужаса боялся предстоящего сражения с английским флотом, хотя прекрасно знал, что союзная эскадра имеет полуторный перевес не только по числу кораблей и пушек, но и по качеству самих линкоров.

Тот же французский «Редутабль» по стоимости был намного дороже любого двухдечного «англичанина», корпусом крепче и быстроходнее, благодаря чему корабли выдержали

жестокий шторм, когда его эскадра совершала переход от Марселя до Кадиса. Вот только этого нельзя было сказать о командах – адмирал воочию убедился, что французские моряки подготовлены не просто плохо, а совершенно отвратительно.

– Не морская мы нация, не морская... – глухо пробормотал адмирал, чувствуя, как скулы сводит от нехорошего предчувствия. Он был прекрасным администратором, но не флотоводцем, и более того – прекрасно понимая это, все же согласился принять командование союзными эскадрами.

Ведь самая страшная беда для любого военачальника – не только не верить в победу, но и в собственные силы. А в мозгу постоянно свербила только одна мысль: «Сражаться с англичанами БЕСПОЛЕЗНО!»

Перед выходом Вильнев провел анализ результатов всех сражений с британцами, которые приняли за два столетия французы, испанцы и голландцы. Они оказались просто удручающими. Цифры потерь линейных кораблей соотносились как один к десяти. Случайные же победы, вроде Абукира, были редчайшим и счастливым исключением, за которым чаще всего следовал быстрый и беспощадный разгром.

– Один к десяти! – прошептал Вильнев и помрачнел еще больше.

Имея такие шансы на успех, выходить в море ему совершенно не хотелось. Но не выполнить приказ Гоша было не менее страшно.

Он на секунду представил, как сорвут с плеч эполеты и отправят под суд, и содрогнулся от нахлынувшего ужаса. Выбор оказался кошмарен: выйти в море – принять смерть и погубить два десятка линкоров, с чрезвычайным трудом построенных республикой, а остаться – значит предать свое имя бесчестьем и получить на него несмываемое клеймо труса и изменника.

– Что делать, что делать?! – в отчаянии вскричал адмирал, вскакивая со стула. В волнении он прошел несколько шагов по салону и неожиданно остановился – в голову пришла ослепительно-счастливая мысль, разом решавшая все трудности выбора. Расползающимися в улыбке губами адмирал негромко произнес, прищурился от удовольствия:

– А ведь это выход! Да еще какой...

Доггер-банка

Командующий Восточной эскадрой вице-адмирал Роберт Кальдер, с непривычным для европейцев, но обычным для англичан титулом первого баронета, с усмешкой взирал на сгрудившуюся в отдалении датско-шведскую эскадру, представлявшую собой жалкое зрелище.

– Смешно представить, но эти люди когда-то наводили ужас на Британию! И куда делись потомки свирепых викингов?!

Командир 98-пушечного линейного корабля «Принц Уэльский» Томас Харди только пожал плечами, молчаливо соглашаясь со своим адмиралом.

Сражение уже было выиграно, и это понимал даже самый тупой юнга, а то, что враги, вздумавшие бросить вызов флоту Его Величества, отошли на мелководье, не слишком спасало их положение. Они были обречены – поражение теперь могло обернуться полным разгромом.

Дело в том, что Англия, которой настоятельно требовалось наличие огромного флота, вынуждена была экономить, особенно после захвата русско-французским корпусом Бенгалии, этой житницы всей Индии. Посему Адмиралтейство старалось закладывать только двухдечные корабли, на палубах которых можно было разместить до 72 пушек.

В отличие от тех же французов, принимавших все силы, чтобы иметь единицы кораблей баталии намного более сильных, чем британцы, и тем самым нивелировать преимущество последних в выучке, Королевский флот никак не мог позволить себе подобной роскоши. Потому стопушечные «Виктория» и «Принц Уэльский» были исключением в огромной

эскадре британских линкоров. И вот теперь такая экономия на «дешевых» кораблях, имеющих гораздо меньшую стоимость, а соответственно размеры и осадку, сыграла свою роль.

– Они думают укрыться от нас на мелководье, – усмехнулся Кальдер. – Напрасная затея. Как только мы поправим рангоут, подойдем к ним поближе и перетопим, как паршивых котят!

– Я согласен с вами, сэр. – Харди с нескрываемым злорадством посмотрел на вражеские корабли, что заметно «потяжелели». – Вот только, сэр, как бы они не затонули до того, как мы с ними свалимся...

Договорить капитан не успел, так как повсюду раздались громкие крики моряков, которые наперебой засуетились и столпились у левого борта, возбужденно размахивая руками.

– Черт побери!

Харди обернулся – из серой дымки тумана, уже изрядно прореженной ветром, в милях четырех от британской линии, медленно выползали, один за другим, ненавистные корабли со знакомыми каждому британцу длинными трубами, из которых валил черный дым. С убранными парусами, отчего их мачты казались переплетенными крестами, русские, а это могли быть только они, неумолимо шли на британскую эскадру.

– Один, второй... пятый... седьмой...

Томас Харди медленно и громко подсчитывал вражеские корабли, которые длинной кильватерной колонной неумолимо надвигались из серой дымки. Перевес врага был просто чудовищным, да и появившиеся на арене сражения линкоры являлись гораздо более опасным противником, чем потомки викингов.

– Проклятые коптилки! Акульки потроха!

Адмирал покрыл руганью очередную превратность судьбы: чувствовать себя победителем и неожиданно столкнуться с ненавистным врагом в тот момент, когда корабли еще не готовы к бою, – не самая ласковая гримаса капризной фортуны.

– Капитан, подгоните бездельников! Нужно быстрее поставить все паруса! Иначе, дьявол меня раздери, они навалятся и угостят нас своими «сатанинскими копьями»!

Кадис

– Я надеюсь, вы понимаете, дон Фредерико, что наш выход в море сопряжен с боем, исход которого предугадать невозможно?

Вильнев говорил осторожно, старательно отводя взгляд от испанского адмирала. Но тот уже давно понял, к чему идет этот разговор, и расплылся в улыбке, довольный своей догадкой.

– Позвольте узнать, мон альмиранте, каково ваше решение?

За эти дни испанский адмирал успел понять главное – его французский коллега являлся совершенно никудышным флотоводцем. Он был бы хорош в качестве морского министра на кабинетной работе среди груды бумаги, великолепным начальником порта, у которого все было бы в исправности, от арсеналов до парусных мастерских, но никак не командующим объединенной союзной эскадрой.

Гравине совсем не улыбалось состоять под его началом, ему самому хотелось стать капитан-генералом. Но таково было настоятельное требование Парижа, которое в Мадриде поддержала королевская чета, надеясь на помощь союзников по Антанте. Так что приходилось терпеть, в молчании стиснув зубы, и молить Всевышнего, чтобы Вильнев не решился на выход из Кадиса раньше, чем в бухту придет из Мальты эскадра Ушакова.

Именно с этим русским адмиралом испанский флагман связывал свои надежды. Во-первых, Ушаков старше по возрасту и чину, так что и он, и француз просто обязаны встать под его командование. Во-вторых, и это главное, но, как ни крути, за эти два года он сделал невозможное – несколько раз побеждал англичан, причем с блеском.

Гравина, как всякий истовый моряк, с некоторой долей пренебрежения отнесся к рассказам о кургузых судах, обшитых толстыми полосами железа, от которых отскакивали даже самые тяжелые ядра.

Эти первые броненосцы не были морскими судами, малейшее волнение могло привести к фатальному исходу, но как оружие, особенно в узостях и бухтах, оно оказалось чудовищно опасным против любого многопушечного парусного линкора. Потрясло адмирала и то, с какой легкостью эти утлые ковчеги топили британские корабли в Константинополе семь лет назад и совсем недавно: у Копенгагена и в Чесменской бухте.

Однако сейчас на броненосцы не следовало надеяться. Зато у русского адмирала находились под началом новейшие паровые линкоры, и то, как эти коптящие махины легко расправились с линкорами Нельсона и Паркера под Борнхольмом и Яффой, расстреляв их из чудовищных бомбических пушек и поразив чудесными самодвижущимися минами, приводило Фредерико Гравину в состояние радостного возбуждения: «Дождаться бы русских! А уж там можно выходить в море и рисковать, и Господь пошлет победы правому!»

Эта мысль все более крепла в голове испанского адмирала, и он молил небеса, чтобы француз не выкинул какой-нибудь дурасти.

– Я решил, сеньор адмирал, – Вильнев слегка поклонился, золото эполет чуть сверкнуло своей мишурой, – дождаться прибытия русской эскадры, передать командование Ушакову и уже объединенным флотом нанести поражение британцам. Нас ждут в Ла-Манше, сеньор!

– О да, я с вами полностью согласен, мон альмиранте! – Гравина постарался скрыть вздох облегчения. – Против наших соединенных сил англичане не выстоят! И я уверен, что небеса пошлют нам победу!

Лондон

– Наши враги начнут высадку через месяц, никак не раньше, милорд. Для этого им еще нужно привести свой линейный флот из Кадиса да еще подождать там русскую эскадру из Мальты, если адмирал Коллингвуд не перехватит ее в Гибралтарском проливе...

Уильям Питт говорил очень осторожно, тщательно подбирая слова. Его собеседник был как раз из той самой плеяды славных старых джентльменов, что создали великую империю, с честью пронесли флаги Святого Георгия по всем морям и океанам. А потому следовало относиться с особым почтением к седовласому флотоводцу, дожившему не только до весьма почтенных лет, но и сохранившему здравие и острый язвительный ум.

– Я тоже так считаю, сэра...

Последнее слово в устах старого адмирала Джона Джервиса прозвучало несколько язвительно, но граф Сент-Вицент мог себе позволить и не такое, ибо свой звучный титул он получил за морскую победу, стяжав славное имя подвигами, пойдя, как и многие другие английские моряки, по пути знаменитого Френсиса Дрейка.

Другое дело политики, те люди, что считали себя вершителями судьбы великого королевства, но на самом деле выполнявшие им предначертанное и закреплявшие победы адмиралов флота Его Величества. И обращение к ним как «милорд» в официальной переписке, но отнюдь не в разговоре тет-а-тет, было особой данью традиции, по которой лишь настоящие лорды королевства, те, кто мечом расширял его пределы, заслуживали это, а отнюдь не всякие политические «стряпчие».

К последним британские аристократы и военные моряки относили даже министров, включая премьера, если тот не был владельцем весомого титула. Да оно и понятно – в Палате общин могут болтать что угодно, но влияние на дела «владычицы морей» отнюдь не у этих болтунов.

– Они хотят оттянуть наши силы по разным местам! – Голос адмирала хотя был уже чуть скрипучим от старости, но звучал так властно, что Уильям Питт почтительно подо-

брался. – Для того и высадили десанты на западе и у скоттов. Ну что ж, наша армия может преподать этим проклятым мятежникам такой урок, что запомнится ими навечно и впредь отобьет охоту поднимать мятежи!

– Но, милорд! Если высадка...

– Вы это о чем, сэр?

Лорд Сент-Вицент в таком нарочитом недоумении выгнул почти седые брови, что сердце Питта застучало в бешеном ритме. Этого он и ожидал от маститого адмирала и теперь знал, что руки у него развязаны полностью. В Ирландию и Шотландию можно отправить большую часть армии и усмирить бунтовщиков самыми жестокими репрессиями.

Премьер-министр раскрыл было рот, чтобы задать мучивший его вопрос, но старый адмирал перебил его своим зычным голосом, которым он не раз отдавал приказы офицерам и матросам:

– Даже если Коллингвуд оплошает и через три недели сюда припожалуют союзники, то их утопим в Канале. Под моим флагом три десятка линкоров, да и сам барон Катберт, как тот старый терьер, бросится догонять убежавшую от него шуструю крысу... Ха-ха... Я жду наших врагов здесь, им не помогут все их дьявольские штуки!

Карибское море

Никогда еще в жизни Алексей Петрович Ермолов не думал, что окажется на краю света в самом что ни на есть смысле. Прихотлива судьба военного, извилисты ее пути! Это двадцатисемилетний подполковник хорошо знал, но не считал, что такой поворот произойдет с ним, и было над чем сейчас подумать и о чем поразмышлять.

Свою карьеру он начал ровно двенадцать лет назад безусым подпоручиком гвардии. Но дуэли с буйным поведением не остались без внимания, и в одночасье Ермолов оказался в армии с тем же чином и весьма подпорченным послужным списком, так что надеяться на продвижение по иерархической лестнице не приходилось.

Однако семь лет назад он ухватил птицу удачи за пышный хвост – сражался под Адрианополем с янычарами, не дав тем выйти к тылу русского отряда князя Багратиона. А командовал тогда, в той сумятице, сам Константин Петрович, второй сын императора, ставший теперь византийским базилевсом и болгарским царем.

Так что фарт попер, как говорят картежники!

В добавление к двум ранам дерзкого поручика наградили белым Георгиевским крестом и, как следствие, автоматически произвели в капитаны, тут же переведя в гвардию с тем же чином – так что можно было считать себя армейским майором.

Наслаждаться жизнью, почивая на заслуженных лаврах, Алексей Петрович не стал – настолько он имел непоседливый и живой характер. А потому вскоре очутился в училище колонновожатых, находившемся под патронажем только что созданного гвардейского Генерального штаба. Туда-то он и попал вскорости, прямиком в управление, скрывавшееся под скромной литерой «2» и занимавшееся чрезвычайно нужной для государства работой по сбору сведений о сопредельных с Российской державой странах. В большинстве своем весьма беспокойных и достаточно агрессивных соседей, любящих побряцать на границах оружием.

Первой и пока единственной оказалась Персия. Там молодой капитан ничего не успел сделать полезного, фактически проработав только курьером и принеся горестную весть о трагической гибели посла Радищева. Хотя даже такая скромная служба была заранее, или авансом, отмечена дарованием нового чина и очередным переводом в армию.

Так что быть подполковником в 27 лет – весьма достойная карьера. Грех на судьбу жаловаться!

– Прах подери, никогда бы не стал служить на этих лоханках!

Ермолов согнулся в спазме, желудок в очередной раз содрогнулся от неизвестно отчего появившегося комка. Сейчас, с бледно-зеленым лицом, терзаемый морской болезнью, он проклинал всех и вся: неприветливое Карибское море, что встретило штормом, и паровой корвет, смертельно надоевший за два месяца плавания, и капитана, с которым он достаточно близко сошелся, и даже самого императора.

Петра Федоровича офицер почитал всем сердцем, но сейчас проклинал в три армейских загиба, которым, по своей экспрессии, весьма далеко до флотских, но, несмотря на это, не менее выразительных и горячих.

– Мать твою! Э-ха...

Подполковник согнулся в жестоком приступе, чувствуя, как все его несчастное нутро выворачивает наизнанку. Нелегка царская служба, раз так страдать приходится!

Булонь

– Необходимые приказы уже отданы главнокомандующим принцем Суворовым, сир! Наши объединенные войска полностью готовы, а еще более ожидать наступления штиля, на мой взгляд, не стоит. Я думаю, можно начинать экспедицию, сир!

Петр с улыбкой посмотрел на генерала Гоша. Первый консул республики уже не морщился, выдавливая из себя привычное для француза обращение к королевской особе. Да и другие французские генералы восприняли такое совершенно спокойно, будто и не было пятнадцати лет безумной революционной круговерти.

За длинным столом сидело высшее командование объединенной союзной армии. Петр скользнул взглядом по знакомым лицам – Гош упрямо сжал губы, глава Французской республики признал некоторое понижение в статусе и уже, как и сам Петр, почти не вмешивался в деятельность фельдмаршала князя Суворова, назначенного, с их общего согласия, главнокомандующим экспедицией на Остров.

«Как пауки в банке! Жрут консулы друг друга и не морщатся! Победитель остался один – Гош, и теперь ему один шаг до «пожизненного консула». Но вот императором он никогда не станет, нет в нем Бонапарта. Как там? И каждых тварей миллионы, и все метят в наполеоны!»

Петр бросил короткий взгляд на лучших полководцев республики. Хитроумный Массена немного щурил глаза, Макдональд спокойно смотрел на Первого консула, но в глазах сверкали какие-то огоньки, Бернадот только постукивал костяшками пальцев по столешнице, и именно на нем Петр остановил свое внимание.

«А ведь не бывать тебе, братец, шведским королем!» – мысль вызвала усмешку, ведь на примере этого генерала можно было судить, насколько извилист путь революционеров и как многие быстро отказываются от своих прежних убеждений.

В реальной истории Бернадот числился в неисправимых якобинцах, но когда в одиннадцатом году ему предложили титул кронпринца шведского при бездетном короле, бывшем герцоге Карле Зюндерманландском, французский генерал охотно согласился, благо на эту должность его пропихивали шведские офицеры, бывшие его пленники, к которым он проявил исключительное благородство.

Позже браваый кондотьер с монаршей короной сражался уже на стороне антифранцузской коалиции и там, говоря русским языком, полностью «перековался», или «ссучился», кому как угодно, забыв свое революционное творчество.

Вот только каково было изумление придворных аристократов и врачей, которые много позднее принялись омыwać тело любимого усопшего короля, положившего начало целой династии Бернадотов на шведском престоле.

На груди обожаемого монарха красовалась мастерски сделанная татуировка гильотины, отрубавшей голову несчастному монарху Людовику, и короткая, но емкая надпись, шокировавшая стыдливые души придворных: «Смерть королям и тиранам!»

«Революция сама пожирает собственных детей, романтиков этого безумия – достаточно вспомнить Дантона, Робеспьера и прочих санкюлотов. А на смену им, если не берут реванш контрреволюционеры, приходят уже прагматики в генеральских мундирах.

Что Гош здесь, что у нас Сталин – Иосиф Виссарионович ведь, в конце концов, маршалский мундир надел и генералиссимусом стал. А военная среда требует единоначалия и строгой подчиненности, демократия для нее острый нож. Потому-то у нас Тухачевского и прочих «красных» полководцев безжалостно к стенке поставили.

Здесь до этого пока не дошло, но Гош убрал в Новый Свет Моро, а Жубера отправил с отрядом в мятежную Ирландию, где этого генерала могут убить англичане, что весьма вероятно. А ведь оба твердые республиканцы, уж первый точно, с масонами дружит. Жалко Моро, чистая душа... Потому и опасен для Гоша. И не только для него, но...»

– Я думаю, нужно начинать нашу десантную экспедицию незамедлительно, сир!

Гош внимательно посмотрел на императора, не понимая, почему тот молчит, хотя они все обговорили заблаговременно, а только задумчиво хмурит брови, о чем-то напряженно размышляя.

– Господин Первый консул прав: нам нечего ждать у моря погоды! Высадка состоится при любой...

Очнувшийся от размышлений Петр словно подвел черту под заседанием известным, но перефразированным футбольным изречением. Действительно, союзные войска вот уже два дня изнывали от нетерпения, находясь в пунктах посадки, и любое промедление могло сказаться на них негативно. Да и время подступило.

Петр считал, и не без причины, что именно последние дни июня наиболее благоприятны для свершений. Именно с того самого часа, когда он впервые оказался в теле императора Петра Федоровича, а потому старался приурочивать именно к этому периоду наиболее важные деяния.

– Господа генералы!

Петр внимательно посмотрел уже на своих подданных. Старик Суворов буквально ерзал на стуле от нетерпения, готовый вскочить в любую секунду и броситься навстречу «марсовым потехам». Войну старый фельдмаршал любил до полного самозабвения.

Таков же был сидящий рядом с ним Багратион, которому не суждено было стать фельдмаршалом. Горячий князь являлся превосходным тактиком, но никудышным стратегом, ибо кавказская кровь мешала ему сохранять хладнокровие и трезвость расчета.

А вот генерал-лейтенант Бонапарт, несмотря на то что являлся корсиканцем, смирил свою пылкую южную натуру, ни в чем не уступающую грузинской, и казался Петру словно сотканным из одних только математических формул.

«Вот кому я вручу армию после ухода Александра Васильевича! Чего уж тут, правду не скрыть – сейчас его последний поход. И только это удерживает в жизни... А как цель будет достигнута и Лондон падет к его ногам, так и сдаст наш старик, сильно сдаст!»

Петр скривил губы: осознание этого факта мучительное и горестное, но ничего поделать было нельзя.

Время безжалостно забирало старых соратников, и он чувствовал себя более в окружении подданных, чем друзей. И сейчас мысленно пожалел о том, что уже не может, как раньше, отправиться вместе со своими войсками прямо в логово извечного для России врага, а будет ждать хороших вестей на берегу.

Но тем и лучше!

Ни он, ни Гош ничем не свяжут Суворова, а уж лучший военный гений России за всю ее многовековую историю, не потерпевший ни одного поражения полководец не упустит своего...

Доггер-банка

– Нужно их догнать!

Юный король Густав возбужденно топнул ногой, не в силах смотреть на удаляющиеся по синей глади белые облачка парусов. То, что он недавно увидел собственными глазами, произвело на юношу неизгладимое впечатление. Хваленый британский флот позорно бежал, не выдержав сражения с подоспевшей на помощь русской эскадрой.

В коротком бою были потоплены два линкора «владычицы морей», а еще два, которые англичане бросили, догорели. Морские воды уже поглотили остовы кораблей, которые теперь навечно упокоились на песчаном дне, выставив из воды мачты как погребальные кресты.

Два года назад Густав искренне радовался, узнав о разгроме английской эскадры у Копенгагена. Известие было настолько ошеломляющим, что он просто не мог поверить в него.

Но сейчас, увидев, в каком состоянии находятся парусные корабли шведов и датчан, он умом понял, насколько опасны британцы, и то, с какой неожиданной легкостью их побили русские, перевернуло все его представления о морских сражениях.

– Ваше величество, чтобы догнать британцев, нам нужно дать полный ход, а это приведет к преждевременному исчерпанию угольных ям!

Капитан второго ранга Василий Михайлович Головнин, еще молодой, не достигший тридцатилетнего рубежа, но уже знающий и опытный морской офицер, с такой отеческой улыбкой смотрел на юного монарха, что Густав моментально сник.

– Да-да, я помню... Задача адмирала Сенявина состоит в том, чтобы привести эскадру и транспорты в Дувр...

– Вот видите, ваше величество! Поэтому военные, и моряки в особенности, должны всегда помнить о приказе, данном им, и о дисциплине, на которой держится и флот, и армия!

– Но мой «Ретвизан» не сражался! Почему? Ведь его пушки были бы не лишними в этом сражении!

Король исподлобья глянул на офицера, крепко сцепив пальцы на эфесе своей знаменитой шпаги, с которой он не расставался даже на миг. Каждый раз, вынимая серебристую сталь из ножен, он ощущал идущую от нее силу. Какое уж тут расставание с подарком великого Карла!

– А что касается «Ретвизана», ваше величество, его задача, как и других трех кораблей, охранять транспорты. К тому же наши команды недостаточно обучены, хотя шведы прекрасные моряки!

– Да-да, я понимаю!

Густав угрюмо засопел: он не считал себя моряком и, как его великий предок, хотел воевать только со шпагой в руке, чувствуя под ногами твердую гладь земли, а не раскачивающуюся из стороны в сторону палубу.

К тому же корабли шли не только под белыми парусами, но и с работающей паровой машиной, которую не только он, но и многие молодые шведские моряки поначалу принимали за огнедышащего дракона из сказок.

Густав сделал зарубку в своей памяти: не только изучить паровую машину до последней железки, но стать самым прилежным учеником своего русского флаг-офицера, приставленного дедом, который выполнял еще и функции командора на небольшом союзном, всего из четырех кораблей, линейном отряде.

– Не огорчайтесь, ваше величество, в проливе нас ждут англичане, и новый бой с ними обязательно будет! Вас ждет в Кале император Петр Федорович, ваш дед, а от него вы можете узнать гораздо больше о войне, чем могу поведать я, ваш покорный слуга!

Трафальгар

Корабельный гардемарин Михаил Лазарев, совсем еще юный, шестнадцати лет от роду, безусый юноша, пристально рассматривал чуть видимую на горизонте угловатую кромку земли.

Где-то уже недалеко был загадочный Кадис, главная база испанского флота, куда поспешала вышедшая из Мальты русская эскадра адмирала Ушакова, состоящая из двух десятков паровых кораблей, девять из которых были линкорами.

Заветный Кадис был, по сути, настезь открытыми воротами в Атлантику, куда вот уже несколько столетий отправлялись корабли.

Новый Свет манил моряков, флибустьеров, конкистадоров и прочих любителей приключений, притягивал со страшной силой своими рассказами о невиданном ранее обогащении, о путях в сказочную страну Эльдorado, в которой, по слухам, удалось побывать немногим счастливицам.

– И вот я здесь!

Посмотрев на пустынное море, чуть усмехнулся гардемарин. Еще год назад, будучи кадетом только что открытого Черноморского корпуса, он и не мечтал так скоро побывать в боевом походе, но осенью его перевели в гардемаринны, и вот теперь, направленный на годичную морскую практику, он получил повышение и стал «корабельным».

Перед глазами в розовом тумане поплыли миражи стран и городов, в которых Лазарев уже побывал на своем пока коротком жизненном пути. Он видел зеленые оливы в Пирее, и легендарный остров Саламин, где когда-то греческий флот Фемистокла разгромил персидскую армаду Ксеркса, и величественный языческий храм в Афинах, посвященный воительнице Палладе, который поражал своей величиной даже выдавших виды скептиков. Такова была Древняя Греция во времена своих бессмертных героев, чьи имена уже стали достоянием истории.

Побывали русские моряки и в Чесменской бухте, в которой русский флот одержал две выдающиеся победы над турками и англичанами. Лазарев хорошо запомнил то чувство невыразимой гордости, что он русский моряк, и это навечно отпечаталось в душе юноши.

Прав был великий император, когда сказал: «Помилуй Бог, но я русский!» И это чувство сопричастности к великим свершениям Михаил всячески берег в себе с того дня, когда разглядывал легендарный Константинополь – русский Царьград, – и любовался Святой Софией, что была снова осенена православным крестом.

В этом величественном соборе он впервые не сдержал слез и, как заклятие, читал строчку из приказа, что отдал Петр Федорович по армии и флоту: «Имя русское держать честно и грозно!»

Весь поход юный гардемарин мечтал участвовать в битве и, может быть, совершить подвиг. Михаил даже представил, как в клубах дыма и пламени он с саблей в руках ведет матросов на abordаж и первым врывается на палубу ненавистного «британца», а там...

Гибралтар

– А мы не будем торопиться, ваше императорское высочество, ибо поспешишь – людей насмешишь!

– Я согласен с вами, Михаил Илларионович!

Царь московский Александр Петрович только усмехнулся, слушая старого фельдмаршала, известного своей тучностью, но еще более хитростью и истинно византийским коварством.

Князь Голенищев-Кутузов был намного младше главнокомандующего русской армией фельдмаршала Александра Суворова и, еще не достигнув шестидесяти лет, все еще оставался чрезвычайно энергичным и предусмотрительным человеком.

Впрочем, первое свое качество «старый лис» тщательно скрывал, и все окружающие видели в полководце чрезвычайно ленивого сибарита, любящего с юношеским пылом воло-

читься за молоденькими девушками. И тем опасен был старый служака, в котором качество лесной бестии с рыжей шкурой сочеталось с мертвой хваткой матерого волка.

Александр, так уж у него получилось, первый раз оказался на настоящей войне – стычки с воинственными инородцами в Сибири таковой не являлись, обычное дело в тех далеких землях. И сам хорошо понимал, что генерала из него не выйдет, потому все военные дела цесаревич спокойно переложил на фельдмаршала, чему тот был несказанно рад.

Нанесенная поляком в Берлине рана продолжала беспокоить Александра Петровича, причем так, что он официально отказался от императорского престола, прекрасно осознавая, что управлять столь огромной страной в полную силу он никогда уже не сможет.

Государственный совет принял это отречение, но оставил его в строжайшей тайне. Однако уйти на покой царю Московскому так и не удалось. После тайной беседы с родителями, на которой он присутствовал вместе со своей женой, испанской инфантой Марией, судьба и государственный долг забросили его сюда, под знойное небо древней Иберии.

Заполучив такого союзника, как Испания, Антанта чрезвычайно усилилась. Недолго думая, Петр подписал со своим «кузенном», а фактически с премьер-министром Годоем, тайное соглашение, по которому передавались не только линейные корабли в обмен на мексиканские земли, но Россия брала на себя многие обязательства, одним из которых было взятие английской крепости Гибралтар.

Последняя была построена на скалистой косе, не так давно отнятой у Испании, и фактически запирала вход в Средиземное море. Терпеть такую «занозу» Петр Федорович и генерал Гош не желали категорически, а потому снарядили небольшой корпус с мощной осадной артиллерией, что вместе с испанскими войсками приступил к штурму британской твердыни, в бухте которой стояла эскадра адмирала Коллингвуда.

– Ничего, пушки расставлены, пора начинать концерт! – чуть нараспев, на исконный русский манер, произнес Кутузов, ехидно улыбнулся и потянулся, как сытый кот. – Дня два-три бомбим хорошенько, а там британцы пардона и запросят. Так что, ваше величество, не волнуйся, долго сидеть здесь не будем. У нас и так дел много. Всему свое время!

Последние фразы в устах старого фельдмаршала прозвучали с такой нескрываемой угрозой, явственно просквозившей в чуть суховатом голосе, что Александр Петрович удивленно выгнул брови и задумался...

Слова лукавого фельдмаршала явно относились не к англичанам, а к кому-то другому. Это не могло не насторожить уже битого жизнью великого князя. Но он твердо знал – переспрашивать Кутузова нельзя, тот всегда хранит свои планы в тайне.

Оставалось только думать и гадать...

Трафальгар

...И вот в клубах дыма и пламени он ворвался на палубу британского линкора «Виктория», самого мощного корабля «владычицы морей». Взмах абордажной саблей, другой – враги валятся как снопы, и перед глазами кормовой флаг – белое полотнище, перечерченное красным крестом. Руки сами тянутся к нему, а потом...

Серебряный крест на оранжево-черной колодке, знак отличия ордена Святого Георгия – заветная награда для любого солдата и матроса, и гардемарина тут не исключение. И теперь он георгиевский кавалер, но недалек тот день, когда его грудь украсится белым крестиком, в центре которого на медальоне изображен всадник, пронзающий копьём змея.

Перед глазами всплыл императорский указ, в котором расплывались строчки, от которых в груди стало жарко: «За бесподобную храбрость при взятии вражеского флагмана означенного корабельного гардемарина произвести в первый офицерский чин».

– О чем задумались, юноша?

Участливый голос боготворимого на эскадре адмирала вывел гардемарина из почти детских мечтаний. Хотя... Плох тот сержант, что не мечтает об офицерских погонах, а уж про золотых адмиральских «орлов» и говорить не приходится.

Федор Федорович Ушаков взирал на Лазарева с такой мудрой улыбкой понимающего отца, что Михаилу показалось, что его мысли прочитаны. И от этого багровый румянец моментально окрасил юношеские щеки, покрытые нежным пушком.

– Ну, полноте, мой мальчик! – адмирал усмехнулся, но тут же добавил такие слова, от которых Лазарев окончательно впал в смущение. Парню показалось, что румянец расплылся по всему телу. – О славе мечтать, господин корабельный гардемарин, можно, но война это не только подвиг, но каждодневный, тяжелый труд – соленый пот, пропитанный запахом моря! Вот так-то!

– Так точно, ваше высокопревосходительство!

Лазарев вытянулся во фронт, но адмирал уже глядел в сторону. Ушаков уставился на еле видимую полоску берега и, властно расставив ноги на качающейся палубе, поднес широкую ладонь к глазам, будто стараясь что-то там разглядеть.

– Мыс Трафальгар... К вечеру наша эскадра будет уже в Кадисе, надеюсь, союзники не подкачали и готовы к бою. Но где же британские корабли, прах подери?!

Восклицание вырвалось у старого адмирала невольно. Подобное чувствовал и Михаил. Он, как и все русские моряки, находился в нервном состоянии все эти прошедшие дни.

Действительно, происходило то, чего просто не могло быть. «Владычица морей» пропустила русскую эскадру, и ни одного паруса на горизонте он так и не увидел – море словно вымерло...

Дюнкерк

– Царь-батюшка, мы же щелкаем хлебалом, как ты изволишь выразиться сам!

Никогда еще контр-адмирал Грейг не пребывал в столь лютом бешенстве и потому, впервые в жизни, позволил в адрес императора произнести столь нелицеприятную правду, пусть за глаза и втихомолку, чтобы никто не услышал. Хотя, положив руку на сердце, эти самые слова он сказал бы Петру Федоровичу прямо в глаза, появившись последний в гавани.

С боевой рубки флагманского броненосца «Тур» была хорошо видна вся гавань, битком набитая боевыми кораблями, транспортом, парходами, баржами и прочими судами.

– На море тишь и благодать. Самый раз переправляться!

Молодой адмирал продолжил критику, уже с трудом сдерживая эмоции. Имея за плечами пятнадцать морских кампаний, он считал, что высадка должна была начаться еще вчера, и каждый час, не то что день, отсрочки просто губителен.

И незачем ждать прибытия эскадр Ушакова и Сенявина, к парусным линкорам, пусть и паровым, Грейг уже относился с изрядной долей пренебрежения: его броненосцев достаточно, чтобы если не уничтожить, то основательно потрепать весь британский линейный флот.

– Таковую силищу собрали... И стоит как привязанная! – Грейг посмотрел в широкую железную прорезь.

Вытянувшиеся линией низкобортные броненосцы дымили трубами и в любой момент могли выйти из гавани, достаточно только подкинуть угля в топки и хорошо раскочегарить машины.

Новые «быки» императорского флота, введенные в строй прошлой осенью числом в пять единиц, являлись улучшенной версией знаменитых «медведей», которыми он командовал в бою у Копенгагена.

Все они были задействованы на прикрытии транспортов в Булони. Да и в Кале стояло четыре броненосца русского типа, но построенных на шведских и датских верфях. Целая

дюжина, способная страшным ударом орудийных клыков смести любого врага с водной глади Ла-Манша.

Да хоть весь британский флот, со всеми его знаменитыми адмиралами и капитанами!

Грейг скрипнул зубами – адмирала беспокоили полученные сведения, что британцы уже построили броненосный корабль, способный сразиться с русскими на равных. И якобы сей «мастодонт», названный «Дредноутом», то есть «Неустрасимым», уже стоит в Темзе и готов к бою.

«Нельзя откладывать операцию! Никак нельзя!»

Эта мысль пронизывала всю душу. Грейг, обучавшийся в Англии, прекрасно знал возможности британских верфей и заводов и считал, что уже через год британцы смогут выставить броненосный флот, по числу кораблей не уступающий русскому. А прекрасно обученных моряков и офицеров было не просто с избытком – на союзный объединенный русско-франко-испанский флот хватило бы, да еще осталось.

«Промедление смерти подобно!»

– Ваше превосходительство! С берега сигналият: «В действие вступил приказ Буки!»

Голос вахтенного офицера моментально отвлек адмирала от черных мыслей, и с души тут же рухнул тяжелый камень. С нескрываемым облегчением Грейг выдохнул всего одно слово:

– Наконец-то!!!

День второй 28 июня 1804 года

Булонь

– Да что же это такое?!

Колокольный звон оглушал, словно кузнечным молотом били прямо в душу, – Петр только раскачивался на ногах, абсолютно беспомощный, зажав ладонями уши и накрепко закрыв глаза веками. Но такая защита оказалась совсем ненадежной. Звук все равно вибрировал в мозгу, давя на затылок и виски невероятной болью, а в глазах то и дело разрывались огненные вспышки, отдающие ослепительным светом чудовищной электросварки, от которой ум за разум заходил.

– Да пропади ты пропадом!

Петр простонал, не в силах сдерживать чудовищную боль, проклиная свое бессилие. И словно колдовское заклинание, его отчаянный выкрик достиг нужного результата – звон резко оборвался, будто пономарь повис на биле, цепко держа веревку и упираясь ногами, а свет померк, погрузив мозг в темноту: неведомый спаситель повернул рубильник, отключив электричество.

– Ух ты...

Выдох непроизвольно вырвался из груди, принеся собою умиротворенность и спокойствие, словно у несчастного страдальца забрали невероятный труд, – наверное, такое же облегчение испытал Геракл, когда с его плеч сняли небесный свод.

– Ба! Опять, на том же самом месте!

Восклицание вырвалось из груди само по себе, стоило Петру разомкнуть веки. Он не ослеп, как боялся, и не оглох, а потому радостное щебетание птичек, порхающих с ветки на ветку, гудение шмелей, стрекот кузнечиков вливались в уши сладкой музыкой. А глаза видели ту самую церковь, которая вот уже несколько раз была в его снах.

Сияющие свежей побелкой кирпичные стены, блистающая золотом маковка купола, увенчанная православным крестом, – святой храм каким-то чудесным образом очистил его душу, принеся спокойствие и умиротворенность. Сразу же захотелось упасть на мягкую зеленую траву, чтобы видеть плывущие по голубому небу белые облака, прищуривая глаза от нестерпимого золотистого блеска.

– Боже, как хорошо!

Петр был счастлив, его сейчас ничто не тревожило, душа умилоstellилась. И, может быть, впервые за долгие годы он обрел то безмятежное спокойствие, о котором мечтал всю жизнь. Но в подсознании словно засела маленькая заноза, которая не позволяла ему окунуться в радостную купель бытия, и эта самая игла с каждым разом все сильнее давила, покалывала, безжалостно начав терзать душу. Петр непроизвольно дернулся, поняв причину беспокойства.

Звон?!

Колокола не били всю ночь, как всегда происходило во снах, будто дали монашеский обет молчания и ничем не хотели нарушать опустившуюся на землю тишину.

– Нет, так дело не пойдет! – удивленно пробормотал Петр. – Это выходит за рамки сценария...

Император поднялся и осмотрелся еще раз. Чудную деревенскую пастораль ничто не нарушало, не было вокруг ни людей, ни скотины, ни птиц, как Петр ни присматривался.

– Да что же это такое? Ничего не вижу, зато все слышу. Чудеса, да и только!

В полной задумчивости Петр прошелся по мягкой траве, уже настороженно поглядывая по сторонам, хотя привычного беспокойства внутри не имелось. И тут его пронзила одна мысль, о которой он как-то в эти секунды запомнил: «А где же мой добрый дедушка, мать его за ногу?! Ведь у этой церкви у меня с ним постоянно «стрелка» забита, всякие «базары» терли! Хорошо, что больше не дерется и меня не поучает... Ох, грехи мои тяжкие, как же я сочувствую его бедным подданным, что имели такого царя, не к ночи буде он помянут!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.